

ОТЗЫВ НА РАБОТУ С. С. АВЕРИНЦЕВА «РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЭТИКА»

В своем отзыве на диссертацию С. С. Аверинцева я не могу охватить все ее содержание и оценить все ее значение. Емкость ее текста такова, что потребовалось бы раскрывать и обсуждать каждую фразу этой работы. Поэтому я остановлюсь только на самых общих принципах этого труда. Это тем более возможно, что книга С. С. Аверинцева прошла проверку временем. Она вышла в 1977 г., автореферат был напечатан в 1979 г., и ссылки на работу С. С. Аверинцева появились не только в быстро реагирующей журнальной печати, но уже и в солидных филологических трудах. Обсуждаемый сейчас труд С. С. Аверинцева прочно вошел в первые ряды работ советского литературоведения последних лет.

В чем значение самой темы диссертации С. С. Аверинцева? В последние годы появилось довольно много работ, посвященных «поэтике» тех или иных литератур, эпох в развитии литератур или даже творчества отдельных писателей (как, например, Чехова). Создавалось даже впечатление, что утрачены и содержание и объем понятия «поэтика». На самом деле это не так. Понятие «поэтика» за последние годы значительно уточнилось, приобрело определенный смысл как особой науки и изучение поэтики стало одной из основ современного литературоведения.

Существует представление (отраженное, кстати, и в «Краткой литературной энциклопедии»), что поэтика как наука разделяется на «описательную» и «историческую». На самом деле чисто «описательной», т. е. «необъясняющей», поэтики вообще быть не может, так как все явления поэтики получают свой смысл, свое значение, даже просто становятся замеченными только при

своем одновременном историческом освещении и историческом объяснении.

Так, например, в древнерусской литературе многие явления поэтики воспринимались как простое неумение древнерусских писателей, как их неискусность («плетение словес», нереалистические формы и проч.), как выражение их «отсталости» и проч. Как явления особой системы поэтики, они стали замечеными только одновременно с появлением своего объяснения. Объяснение же, если добиваться полной его четкости, может быть только историческим. В каком смысле «историческим»? — прежде всего связанным с историей культуры, с историей мировоззрения в целом — с эстетическими, богословскими, философскими, общемировоззренческими представлениями.

Следовательно, просто «описательной» поэтики не существует и не может существовать. Всякий факт становится фактом только при своем хотя бы поверхностном объяснении.

Не менее ненужным оказывается в этом плане и определение «историческая поэтика». Какое же может быть объяснение «неисторическое»? Разумеется, объяснение не должно ограничиваться тем материалом, который в семинариях назывался «гражданской историей». Историческим объяснение должно быть в плане истории художественного мировоззрения.

В чем же новизна такого рода понимания поэтики? Поэтика в этом смысле делает невозможным рассмотрение формы вне ее общемировоззренческого значения. Она рассматривает форму как содержательную форму. При этом содержательность формы состоит не в том, что из формы мы узнаем о намерениях автора, его идейном замысле, о фабуле, тенденциях и проч., а в том, что форма произведения говорит об общих мировоззренческих устоях эпохи и ее авторов, о том, как ими воспринимается мир, — воспринимается при этом по большей части безотчетно. Если художественное произведение сравнить с айсбергом, у которого над поверхностью воды возвышаются его авторский замысел, то поэтика имеет дело по преимуществу со скрытой частью айсberга, которая по существу держит на себе всю его поверхностную часть. Вот почему эпохи безличностного творчества (средневековье, отчасти античность) чаще всего становятся объектами исследования их поэтики.

В своей книге С. С. Аверинцев тоже признает по существу только одну поэтику — философскую в своей основе. Хотя он и определяет поэтику как «систему рабочих принципов какого-либо автора, или литературной школы, или целой литературной эпохи» (с. 3), но в дальнейшем оказывается, что то, что им называется «системой рабочих принципов», есть система всего мировоззрения и миропонимания — это система идеологически реагирующей на мир формы.

В этом состоит колоссальное преодоление всяческого формализма. Поэтика, так, как она выражена в работах С. С. Аверинцева, а отчасти М. И. Стеблина-Каменского и некоторых других, буквально «переехала», как перезжают соломинку, всякие попытки имманентного исследования формы вне ее значения — эстетико-идеологического.

В этом не голословное, не декларативное, а практическое преодоление структурализма, преодоление, которое успешно началось за последние годы и в самом структурализме.

Такое понимание поэтики, выдвигаемое жизнью нашей науки и определяющееся в работе С. С. Аверинцева, не только выявляет свои явные преимущества и делает поэтику как специальную науку исключительно актуальной, ибо вводит литературоведение в науку об истории культуры, позволяет соотносить между собой все явления всех искусств, но и таит очень большие методические опасности.

Легко превратить поэтику в простое применение философских или богословских систем к литературе, к конкретным произведениям, как это делается иногда в последнее время в искусствоведении, когда в некоторых русских произведениях XIV в. находят прямое овеществление в композиции или сюжетах икон и фресок исихастских положений. В области изучения русской литературы XIV—XV вв. мне приходилось уже несколько раз предупреждать, что общие принципы поэтики русского литературного стиля XIV—XV вв. скрыто опираются не только на исихазм, но и на учения их противников. Противниками они были только в свое время, для нас же они в равной степени представители общей структуры миропонимания своей эпохи.

Дело в том, что исследователь поэтики работает со своего рода радаром и обнаруживает (должен обнаруживать) структурные принципы поэтики литературы в бого-

словии, философии, в структуре государства, структуре общества, в «естественнонаучных» представлениях своего времени — всюду. Структуры поэтики пронизывают собой всю культуру. И сложнейшие задачи поэтики литературы состоят в том, чтобы не только обнаруживать общие принципы поэтики в литературе, но и утверждать их действительность, их существование повсюду — в обществе, в государстве, в религии, философии, богословии, науке.

Именно это и делает С. С. Аверинцев, начиная свою книгу с обнаружения принципов литературной поэтики в общественной, государственной, церковной и богословской жизни ранней Византии.

Несколько слов необходимо сказать о том, как продолжить выводы и положения работы С. С. Аверинцева применительно к древней русской литературе. Несомненно, что поэтика древней русской литературы в известной мере зависит от поэтики ранневизантийской литературы (и именно ранневизантийской, как это отмечал еще в свое время И. П. Еремин), но, конечно, не имея столь сложной и глубокой традиции, как ранневизантийская, поэтика древнерусской литературы проще, она еще «младенческая». Поэтика древнерусской литературы относится к ранневизантийской, по образному выражению С. С. Аверинцева, как «отображение» к «первообразу» (см. с. 5 и 121), имея в виду, что между русской и византийской литературами стоит еще литература древнеславянская — древнеболгарская и древнесербская.

С. С. Аверинцев сам отмечает, что всякое типологическое сравнение связано с упрощением материала; тем более это упрощение неизбежно, когда в будущем будут тщательно сопоставляться такие сложные явления, как поэтика ранневизантийская и древнерусская. Сопоставления должны в равной мере отмечать как соответствия, так и различия. И при этом ни в коем случае нельзя ограничиваться по существу неверным утверждением, что древнерусская поэтика во всем являлась упрощенным «отображением» ранневизантийского «первообраза». В основном и исходном положении своем древнерусская поэтика и ранневизантийская были прямо противоположны.

С. С. Аверинцев начинает свой анализ «рабочей системы» ранневизантийской литературы с положения ран-

невизантийского государства, его отношения к античному язычеству и раннему христианству (см. с. 10—29 и 117—120). В данном случае он поступает так, как поступает при анализе византийской иконографии в своей знаменитой книге «*L'empereur dans l'art byzantin*» (1936) Андре Грабар. Но существенно следующее: и русское государство и древнерусское язычество были совершенно иными, чем в Византии, а отсюда иным было и положение «слова» и всего того, что связано со словом, языком, письменностью и литературой.

Согласно С. С. Аверинцеву, «Византия... сберегла непрерывное преемство государственности и цивилизации, представая взорам Запада как настоящий оазис порядка». Далее С. С. Аверинцев пишет: «Реальному и фактическому беспорядку общественное сознание раннего средневековья с тем большей страстью и энергией противопоставляло умозрительный духовный порядок (*ἡ τάξις, ordo*), так сказать, категорический императив и категориальную идею порядка, волю к порядку как в онтологической, этической и эстетической абстракции; при анализе средневековой эстетики нам придется сталкиваться с этим умонастроением буквально на каждом шагу» (с. 15). Говоря далее о трех типах власти, С. С. Аверинцев особо останавливается на теократии, имея в виду Византию: «... идея теократии оказывается воспроизведенной и бессознательно спародированной в идеологии бюрократии. Если держатель теократических полномочий приходит к людям от „Пантократора“ («Вседержителя»), держатель бюрократических полномочий тоже приходит к ним — на сей раз от „автократора“ («самодержца»); и он „послан“, что составляет весьма существенную характеристику его бытия. Ему не рекомендуется иметь человеческие привязанности, и в идеале вся его преданность без остатка принадлежит „пославшему его“» (с. 20).

В отличие от того, что отмечает С. С. Аверинцев для Византии, на Руси не было «порфирородных». Власть государственная принадлежала всему русскому княжескому роду в целом. Весь род как единое целое владел «Русской землей». Поэтому любое деление Руси на княжества (невозможное в Византии) не могло быть распадом «Русской земли», поскольку «лестничное восхождение» князей, их переходы из княжества в княжество сохранялись. Только Новгород выпадал из этой системы

совместного владения «Русской землей», но он входил в состав «Русской земли» благодаря общей принадлежности к «русскому языку», т. е. русскому народу. Если Византия была многонациональной и падение государства под ударами турок могло в некоторой степени компенсироваться сохранением идеологии ромеев, то понятие «Русская земля» соответствовало русскому языку, соответствовало языковому единству Руси (педаром в древнем языке нашем «народ» и «язык» были синонимами) и объединяющие функции при дроблении сохранялись за единством княжеского рода, единством языка, единством письменности и единством литературы. Подобно тому как Русское государство при всех дроблениях на княжества в XI—XIII вв. сохраняло свое единство благодаря общности (хоть и враждовавшего внутри) княжеского рода, так и «Русская земля» (имевшая значение не только страны, но и народа, даже русского союзного войска) сохраняла свое относительное единство благодаря единству языка, письменности, литературы и религии. «Русская земля» не была какой-то частью территории, занимаемой русским народом, противостояла не каким-то русским княжествам, не входившим якобы в понятие «Русской земли», а людям других незнакомых языков — немцам и «стране незнаемой», «дикому», т. е. неупорядоченному, полю. Это отчетливо видно всякому, кто будет непредубежденно читать и «Слово о полку Игореве», и «Слово о погибели Русской земли», и повести о татарском нашествии, и все русские летописи.

В вопросе о том, что такое «Русская земля», тяжело и грубо напутали историки, в частности, к сожалению, М. Н. Тихомиров, пытавшиеся в понятии «Русская земля» не учитывать полисемантизм древнерусского языка и в выражении «Русская земля» видеть каждый раз однозначную, точно определенную на географической карте территорию.

Между тем положение литературы, наделенной обязанностью сохранять единство страны, заселенной одним, говорящим на одном языке народом, отражалось на поэтике этой литературы: на способе ведения летописания, закреплявшем историческое единство на пространстве многих княжеств, на составлении произведений, возникавших из переписки между разными княжествами («Киево-Печерский патерик»), на анфиладном принципе составления произведений, как бы наращиваемых во вре-

мени и в пространстве, на образовании всего стиля исторического монументализма.

Поэтика древнерусской литературы коренным образом отличалась от поэтики ранневизантийской литературы, особенно принимая во внимание характер древнерусского язычества с его культом Земли и Рода и характер страны и власти в этой стране, а также особенно ответственную функцию в ней литературы, отождествление «земли» и «народа», «земли» и «рода» (преимущественно княжеского — единого, несмотря на все свои раздоры). Русский княжеский род есть род только по мужской линии. Поэтому родство по матери может быть и с половцами, наведение которых на Русь не случайно всюду в литературных произведениях осуждается как величайший грех. «Род» же и «Земля» слиты, а поэтому центр «Русской земли» по преимуществу там, где сидит старейший в княжеском роде, к которому устремляются властолюбивые надежды каждого члена княжеского рода, т. е. Киев. Отсюда ошибка историков, и в частности М. Н. Тихомирова и его предшественников, которые отождествляли центр «Русской земли» с «Русской землей» вообще.

Различия между древнерусской и ранневизантийской поэтиками могут быть отмечены на каждом шагу. Так, например, С. С. Аверинцев отмечает интереснейший факт обилия в ранневизантийской сакральной словесности уменьшительных форм. «Христианский автор редко когда скажет „книга“ (*Βιβλος*) — все чаще „книжка“ (*Βιβλιον*), даже „книжечка“ (*Βιβλαριδιον*)» (с. 175). Этот факт С. С. Аверинцев объясняет тем, что перед нами «семантическая система, доверявшая сакральную функцию не патетике „высокого стиля“, но просторечно-детскому, просторечно-стариковскому лепету уменьшительных форм» (с. 176). Однако ничего подобного в древнерусской литературе нет, несмотря на все обилие уменьшительных в русском языке. И уж никак нельзя сопоставлять это с позднейшим «каратаевским» мировоззрением. Уменьшительные формы играют различную семантическую роль. В народном русском языке, и в языке Платона Каратаева в частности, уменьшительные имеют преимущественно значение ласкательных. А это совсем не то, что в ранневизантийской сакральной прозе, как это описано у С. С. Аверинцева.

Продолжая отмечать различия между ранневизантийской и древнерусской литературами, можно было бы ска-

зать, что и «рождение рифмы» в обеих литературах совершенно разное. В русской прозе XI—XVI вв. рифма сродни шутке, каламбуру и связана со скоморошеством.

Книга С. С. Аверинцева принадлежит к художественной научной прозе. Устанавливая генеалогию этой художественной научной прозы, можно вспомнить великих русских историков и литературоведов прошлого. Ближе всего научная проза С. С. Аверинцева к научной прозе А. Н. Веселовского, Вяч. Иванова. Можно было бы перечислить десятки имен ученых, главным образом начала XIX в., создавших традиции научной художественной прозы в области гуманитарных наук.

Для работы С. С. Аверинцева характерен «филологический стиль» — тот же, что в известной мере был типичен и для работы В. В. Виноградова, но у С. С. Аверинцева на гораздо более широкой почве различных языков. В. В. Виноградов играл со значениями отдельных русских слов, общностью корневого значения для слов с разным конечным значением. С. С. Аверинцев ищет корневые значения древнееврейских, греческих, латинских, арамейских слов и на их основе восстанавливает праструктуру художественного ранневизантийского мышления. И делает он это не один раз, а постоянно, систематически строя иногда на этом свои парадоксальные афоризмы.

В работах С. С. Аверинцева есть помимо традиции и своя собственная поэтика, связанная с нашим временем и преодолевающая наши препятствия (а в художественной прозе всегда есть некое «преодоление препятствий», иначе бы она не была актуальной).

Как бы ни относиться, например, к теории формалистов (вернее к их «теориям», ибо единого литературоведческого мировоззрения они не создали), их проза была в наше время последней художественной литературоведческой прозой высокого класса. Я имею в виду книги Б. М. Эйхенбаума, постформалистические работы Г. А. Гуковского и др. Однако к недостаткам их научно-художественной прозы можно было бы отнести их излишнюю многословность (это касается главным образом работ Г. А. Гуковского). Создавая свою научно-художественную прозу, С. С. Аверинцев явно стремится к противоположному: к лаконизму и насыщенности прозы содержанием, к емкости формулировок, к почти профетической краткости. И отсюда опасность (на грани которой

С. С. Аверинцев очень часто стоит, но с которой не скользит) избыточной информативности прозы, иногда почти кокетство эрудицией, которая у него действительно огромна до необычайности. Текст С. С. Аверинцева иногда почти что «загроможден краткостью», афористичностью, формулировками, которые сперва ошеломляют неожиданностью, парадоксальностью и остротой, но потом разъясняются им и становятся убедительными. Все это особенности поэтики научных работ С. С. Аверинцева, и очень трудно, да и ненужно, давать этой собственной поэтике С. С. Аверинцева оценку вне оценки поэтики современных литературоведческих работ.

В работах С. С. Аверинцева мы стоим перед замечательнейшим явлением научно-художественного мышления, особого рода поэтики, которую должны принимать в ее целом, не расчертывая его книги как ученическую тетрадь, ставя отметки и отмечая в ней, что хорошо и что плохо.

Стоит, например, указать, что характеристика на с. 139 поэтического стиля Нонна и прозаического Дионисия Ареопагита (предпочитаю его называть без «разоблачающей» приставки «псевдо») как «парадокса словесной бессловесности» и на редкость многоречивого «молчания», раскрытие которого блестяще сделано на предшествующих страницах, дает совершенно точный и краткий ключ к той игре в синонимы в древнерусском «плетении словес», о которой я многократно писал, но без этой уверенности в формулировании своих мыслей.

Вообще следует сказать, что С. С. Аверинцев обладает поразительной и редкой снайперской смелостью в точной формулировке своих мыслей.

Мне неловко говорить о том, что работа С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» достойна присуждения ее автору ученой степени доктора филологических наук, ибо в сознании моем, да и большинства филологов нашей страны, С. С. Аверинцев давно не просто доктор, а один из самых крупных и талантливых литературоведов нашей страны. Но раз этого требует этикет защиты, то я все-таки скажу, что работа С. С. Аверинцева превосходит все требования, предъявляемые к докторским диссертациям. Она не только формально открывает новое направление в науке, но благодаря ей становится реальностью появление новых научных дисциплин и, в частности, дисциплины, изучающей общие

принципы художественной культуры той или иной эпохи, культуры в целом. А это — насущнейшая потребность, вписанная в планы наших литературоведческих и исторических институтов.

Я призываю членов ученого совета оформить то, что по существу уже давно совершилось в нашем сознании: официально приобщить С. С. Аверинцева к сонму докторов филологических наук.

1980